
Е. В. ПИЛЮГИНА

НЕОМИФОЛОГИЯ ПОСТМОДЕРНА

В статье исследуется феномен панмифологизации реальности в современном обществе постмодерна; сопоставляются культурно-исторические мифы традиционного общества, идеология общества модерна и неомифология постмодерна; в контексте демаркации традиционных мифов, идеологий и современных мифологем анализируются точки нестабильности современного мирового социального пространства как сингулярные основания текущей информационной войны.

Ключевые слова: мифологема, миф, идеология, панмифологизация реальности, информационная война, неомифология постмодерна.

This article examines the phenomenon of pan-mythologizing of reality in contemporary postmodern society; compares cultural-historical myths of traditional society, the ideology of modern society and neo-mythology postmodern society; in the context of the demarcation of the traditional myths, ideologies and contemporary mythologems are analyzed point; analyzes the points of instability of the modern world in terms of social space as a singular basis of current information war.

Keywords: *mifologema, myth, ideology, pan-mythologizing, information war, the postmodern neo-mythology.*

Культурное пространство современной социальной действительности – общества постмодерна – выглядит как конденсат самых разнообразных идей, мифов, мифологем. Панмифологизация реальности охватила даже традиционно тяготеющие к рационализму и прагматизму сообщества западного мира¹. Более того, рассадником современных мифов выступает именно рападная цивилизация, впадая в состояние, которое социальные аналитики уже окре-

¹ Французский философ-постмодернист Ж.-Л. Нанси высказывает обоснованное предположение: «Не исключено, что идея мифа представляет собой саму Идею Запада в ее постоянных репрезентациях и в порыве погружения в свои собственные истоки с целью перевоплощения в саму судьбу человечества» [Делёз 2004: 93].

стили «новым средневековьем» [Казин 2013]. Мифологизация эпидемически расширяется, захватывая все большее, уже и не только западное, пространство; современные мифы разрастаются подобно раковым клеткам, подчиняя себе жизнедеятельность всякого социального организма. Вступая в противоречия друг с другом и с «внешним миром», они становятся питательной средой социальных конфликтов (этнических, межгосударственных, геополитических, трансэкономических), стимулируя уже идущую глобальную информационную войну – третью мировую информационного общества.

Важно подчеркнуть, что современные мифы и текущая война мифов и идей (выливающаяся на практике в *сеть* взаимосвязанных локальных гибридных войн) существенно отличаются от предыдущих (допостмодерновых) мифологических и идейных противостояний. В целях дистанцирования современных мифов от мифов традиционного общества автор данной статьи считает обоснованным термин «мифологема», более подходящий для концептуального оформления *рационализированных образов* реальности, заполнивших сегодняшнее информационное пространство. Чтобы прояснить специфику новых мифов (мифологем), тем самым определив точки нестабильности – сингулярные основания текущей информационной войны и всего постмодернового мира, необходимо сравнить их как с мифами традиционного общества, так и с идеологией общества модерна, выявить общее и особенное.

Постмодернистская философия о тенденциях и специфике неомифологизации реальности в современном обществе

Первыми обратили внимание на имеющий место в современности процесс распространения «нового мифологического мировоззрения» философы постмодернистской французской «волны» в лице Р. Барта, Ж. Батая, Ж. Бодрийяра, Ж. Делёза, Ж.-Л. Нанси. Так, Ж. Бодрийяр актуализировал проблематику и специфику информационной войны [Бодрийяр 1994: 33–36]. Р. Барт, одним из первых задавшись вопросом «Что такое миф в наше время?», смог определить точки соприкосновения традиционных и современных мифов, указав, что всякий миф – это способ означивания мира, определенная семиологическая система [Барт 2000: 73], словесная *форма*,

в которую реальность вливается, застывая, как желе; миф не отражает реальность, а *выражает* ее, одновременно выражает «рассказчика» (индивида или социум) как определенную систему взаимосвязанных нарративов. Поэтому миф – это всегда история (по выражению Р. Барта, слово, избранное историей), связанная с драматическими, травматическими событиями в жизни человека или народа. Миф – «кривое зеркало» реальности; искажая, деформируя реальность, он тем самым оправдывает самое себя, то есть приобретает собственную значимость, определяемую не в категориях истины, а в категориях пользы; поэтому миф бесполезно оспаривать, можно только оценивать результаты его влияния, потому что миф имеет императивный, побудительный характер, основан на внушении и должен производить непосредственный эмоциональный эффект.

Но, выявив ключевые характеристики всякой мифологизированной действительности, Р. Барт оставил за пределами своих исследований вопрос о самом феномене современной неомифологизации, лишь обратив внимание на то, что «более внимательное чтение мифа никоим образом не увеличит и не ослабит силу его воздействия... ни время, ни наши знания (курсив мой. – *Е. П.*) не способны что-либо прибавить или убавить» к нему [Там же: 96]. Это важный момент, свидетельствующий, что информированность, интеллект или образование человека вовсе не являются защитой от посягательств мифа на контроль над сознанием: сегодня люди в массе своей не менее падки на устойчивые, эмоционально подкрепленные шаблонные высказывания, на яркие образные модификации реальности («истории»), чем в эпоху инквизиции или в 1917 г. в полуграмотной Российской империи. Но в таком случае возникает вопрос: почему же предшествующий современный мир (индустриальное общество Нового времени) счастливо избежал всеобщей мифологизации, напротив, всемерно и небезуспешно ограничивая мифы сферой донаучного («нецивилизованного», мифологически-религиозно-мистического знания и бытия)? Другое дело, что современный мир конституировался в противостоянии идей и их систем (идеологий): идеологии Запада в широком смысле (предполагающей деятельностное отношение к природной среде, естественно-научное и промышленное развитие, индивидуализм,

активную личностную позицию, в том числе в политической жизни) в противостоянии незападному миру; идеологии Запада в частном смысле как прежде всего западноевропейского блока стран во главе с США (включающей свободный рынок, частную собственность, либеральную демократию) в противостоянии марксистской (коммунистической) идеологии второго блока во главе с Советским Союзом, и т. д. Но очевидно, что идеология так же отличается от мифологии, как идея от образа. Р. Барт, сознательно или нет, не выявляет линии демаркации мифологии и идеологии, современных мифов и традиционных, просто постулируя, что «наше общество является привилегированной областью существования мифических значений» [Барт 2000: 71]. Вероятно, поэтому отдельные черты современного мифологизированного мировоззрения (именно современность интересует французского философа, а вовсе не историко-культурная подоплека мифа как такового, как, например, К. Леви-Стросса или М. Фуко) приписываются им всякой мифологизированной реальности, что вряд ли оправданно.

Предпосылки и причины актуализации мифологий в современности анализировал Ж.-Л. Нанси [2009: 113, 116], отмечая, что сегодняшняя увлеченность мифами обеспечивается социальной разорванностью и сингулярностью. На то, что «магические типы поведения» вызваны «слепым страхом, замороженностью перед лицом разорванного социального мира», в результате чего человек «зарывается в зыбучий песок» слов – «дурманящих знаков», указывали также и Р. Барт [2000: 130], и Ж. Батай [1997, 35-36]. Чем больше ощущение разорванности, распада, одиночества перед непредсказуемостью внешнего мира, тем больше жажда мифов, так как «нам нужен зримый миф, который бы утешал нас относительно нашего конца» [Бодрийяр: 8]. (Отсюда и распространение в Новейшее время различных нерелигиозных систем, реанимация мистически-религиозного сознания в целом.)

На это также обращал внимание Ж. Делёз, утверждая, что современный метанестабильный сингулярный мир производит «блуждающие», «плавающие» значения, легко приобретающие форму «фантазмов», которые по сути «ни действие, ни страдание, а результат действий и страданий», то есть «чистое» (виртуальное) событие, воплощающееся в виде определенных высказываний, передающих

в образах глубинные бессознательные и подсознательные переживания [Делёз 1998: 143–144, 274]. Поэтому бессмысленно рассуждать, реальны ли собственно события, о которых повествует тот или иной миф: смысл события в эффекте, а не в корреляции с реальностью. В результате возникает феномен симуляции смысла – и симуляции реальности, якобы породившей тот или иной смысл. Как отмечает Ж. Бодрийяр, «речь идет о субституции, подмене реального знаками реального, то есть об операции по *dissuasion*» [Бодрийяр: 3] (что можно перевести как «разубеждение», «разуверение» и одновременно «устрашение», «отпугивание», а также «сдерживание», «удержание» и «безобразность»): современные мифы в отличие от идеологии не апеллируют к Логосу, но и в отличие от традиционных мифов уже не апеллируют к образам, а только к другим мифам, которые на самом деле предстают ремейками или сериями некоего исходного мифа как выдуманной, искусственной псевдореальности.

Таким образом, отныне миф оправдывается самим собой; смысл мифа – в самом мифе. Это отличает современный миф от традиционных мифов, которые всегда были коррелированы с действительностью и оправдывались этой самой корреляцией: эффект традиционного мифа состоял в том, чтобы приспособиться к действительности, поэтому даже у древних греков с их рационализацией реальности *logos* и *muthos* находятся в гармонии в силу еще недостаточного развития Логоса. Современные мифологемы – результат гипертрофированного, доведенного до абсолюта Логоса, превратившегося в «чистое» высказывание, «идеальное событие», принадлежащее исключительно пространству языка. Поэтому собственно мифическое и логическое в такой мифологеме оказываются сначала в конфронтации, а затем в реверсии: опирающиеся на эмоциональный опыт, «рассказываемые» мифом истории обосновываются логически, а затем логически обоснованные версии находят «подтверждение» в эмоциональном (историческом) опыте. Непрерывная реверсия логического и мифического в мифологеме приводит к тому, что история то и дело переписывается, причем предыдущие истории не отвергаются окончательно, вытесняясь в резервуар «общественного подсознания»; новые истории наслаиваются «сверху»; в результате миф теряет изначальную эмоцио-

нальную однородность и логическую последовательность, превращаясь во фрагментированную (пазловую) виртуальную реальность. То есть мифологема – слоистое образование, включающее все варианты восприятия как серии изначальной истории. Но миф по сути не может быть полилогичен – полилогичной может выглядеть (представляться) социальная реальность; миф же стремится к однородности восприятия, ведь только таким образом можно диктовать волю сознанию. Миф – не рефлексия, а императив. Поэтому предыдущие «серии»-истории берутся фрагментарно, склеиваясь в той последовательности, которая необходима в данный момент: реальность мифа сворачивается в «ленту Мёбиуса», где *logos* и *muthos* уже не противостоят семантически друг другу, а плавно переходят друг в друга, становясь то «изнанкой», то «лицом» реальности мифа – единственной отныне доступной реальности.

Современные мифологемы *versus* идеология и традиционные мифы

Итак, сопоставляя современные мифологемы, мифы прошлого и идеологию, важно обратить внимание на следующее. Традиционный миф – иерархическая система образов. Традиционные мифы всегда были связаны с конкретной реальностью, природной или исторической, хотя, конечно, отражали не столько непосредственно саму реальность, сколько отношение к ней, переживание этой реальности. Традиционные мифы свидетельствовали о подчинении человека (общества, культуры) природной действительности. Но это и попытка ограничить влияние природного определенными формами, социальными рамками. В психосоматическом аспекте мифы – выражение подсознания человека, как индивидуального (пока еще растворенного в социальном), так и коллективного подсознания (архетипов). Мифы отражали процесс обособления человеческого сообщества от природы, были ориентированы на прошлое, тяготеют к корням, основаны на естественных эмоциях и инстинктах. Мифы сочиняют все и никто, как сказки и поговорки (собственно, сказки и есть некоторые сформулированные мифы). Мифы можно сравнивать по их значению в истории и культуре как отдельных народов, так и мирового сообщества в целом (мифы об умирающем и воскресающем боге, апокалипсические мифы и т. д.).

Идеология – иерархическая система идей. Идеология связана исключительно с социальной реальностью, причем не столько с прошлым, сколько с настоящим и будущим, ориентирована в будущее. В социальном смысле идеология – не только показатель влияния общества на индивида, но и попытка преодолеть это влияние; потому в современном обществе с его установками на индивидуальность и возникает личностное восприятие реальности. В самом крайнем своем варианте это выражение массового общества; но ведь само массовое общество сформировалось в результате выхода на авансцену истории широких масс *индивидов*, получения ими доступа к образованию/власти. Идеология – рационализация социального и, вообще, рационализация реальности. Здесь нет места эмоциям (или, по крайней мере, есть стремление свести эмоции к минимуму): «только бизнес (рынок)», или идеи «социального равенства», или даже «великой нации» – неважно, какие идеи становятся приводными для масс, важно, что посредством целенаправленного освоения этих идей *массы* реализуют стремление влиять на реальность. То есть идеи в Новое время внедряет само общество; отдельные его представители, как, скажем, К. Маркс или А. Смит, В. Ленин или А. Гитлер – лишь выразители этих идей. Отсюда – вера в объективность законов истории/законов общества. Идеология распространяется только в готовом принять те или иные идеи обществе, то есть всегда имманентна социальной реальности. (Именно поэтому марксизм стал социально-политической идеологией не столько Европы, сколько постимперской России с ее общинной психологией.) Идеологии сравниваются по результативности, то есть способности охватить как можно большее социальное пространство и стать двигателями социального развития. Идеология – производное реальности, но и стремление покорить реальность, оформить ее, упорядочить, ограничив ее влияние с помощью разума.

Мифологема – фрагмент ризоморфной неиерархической социальной реальности постмодерна, полиморфной, полилогичной, подчеркнута неструктурированной и неупорядоченной. Мифологема распространяются в обществе «радикального плюрализма», где «все возможно» и «все недостоверно» одновременно, в мире непредсказуемом и еще более динамичном, чем мир модерна. И если Новое время, разувверившись в аксиоматичности Бога,

нашло альтернативу в самом человеческом разуме как трансцендентном основании личностного и социального бытия, то в Новейшую эпоху человек утратил все априорные установки и трансцендентные идеи (метанарративы), оказавшись один на один с Хаосом и сингулярностью мира. Более того, борьба с любыми метанарративами и трансгрессия как преодоление всяческих границ (идейных, социальных, психофизиологических) были провозглашены принципами современного социального бытия, потому что выжить в мире, понятом как Хаос, можно только, по словам Ж. Делёза, «впустив немного вольного и ветреного хаоса в себя» [Делез 2004: 371]. Эта борьба-игра с хаосом с помощью гомеопатических доз самого хаоса и выливается в конструирование и распространение мифологем в духе столь популярных ныне в некоторых политических кругах теорий «управляемого хаоса». Фактически мифологема – это искусственно сконструированный миф, созданный определенными социальными силами или даже лицами ради определенных социальных целей. Это не значит, что она не опирается на какую-либо значимую историю; это значит, что мифологема создает ремейк истории, этакий голливудский образ, выдавая его за реальную историю. Перефразируя Р. Барта, в современном мире проделывается фокус: реальность опрокидывают, вытряхивают из нее историю и заполняют... нет, уже не природой, как ранее по Барту, а той же историей, но разорванной, расколотой и фрагментированной. В результате вместо целостной картины мира мы получаем мозаичную, пазловую, в которой отдельные фрагменты-пазлы могут легко и произвольно заменяться другими, лишь похожими *по форме, образу*.

Разумеется, при этом должны соблюдаться два условия. Внедрение мифологем возможно лишь в подготовленное общество: достаточно комфортную материально и социально среду с «клиповым» мышлением [Гиренко] (так как в столкновениях с реальными социальными трудностями мифологемы просто рассыпаются, а здоровой рациональной культурой воспринимаются как девиация); реинжиниринг мифологем должны осуществлять силы, в некотором роде находящиеся *над* обществом (иначе «инженеры» мифологем сами могут оказаться в опасности заражения изобретенным вирусом). И если первое условие соблюдается по мере реаль-

ного вовлечения в естественный процесс глобализации (через мировую экономику, геополитику, глобальные информационные сети, Интернет) все большего количества народов и государств, то для реализации второго условия, как представляется, необходим выход за пределы планетарного пространства. В противном случае социальные силы и элиты, заинтересованные во внедрении в то или иное общество тех или иных мифологем, сохраняя при этом связи с определенной этнической (государственной, языковой и т. д.) средой, то есть являясь носителями определенных нарративов этой среды, не будут в достаточной мере *космополитичными*, чтобы контролировать процесс производства и распространения вбрасываемых информационных вирусов извне. И тогда созданный информационный голем может вырваться из слабых рук создателей, а «управляемый хаос» легко превратится в неуправляемый (что мы и наблюдаем сегодня в разворачивающихся на глазах пока локальных «горячих» конфликтах).

В отличие от рационализированной идеологии и мистифицированной (сублимирующей) мифологии неомифология современности предстает как попытка рационализации подсознания по принципу «если подсознание нельзя контролировать, то давайте выпустим его на свободу и... затем об этом поговорим». Но в разговорах теряется *вещность* подсознания, живые эмоции заменяются их суррогатами. Различные используемые в психологии и социологии нарративные практики, практики «управляемого хаоса» и «цветных революций» в политике и экономике – гомогенные модифицированные современным обществом заменители реальной действенной социальной и психической энергии, жизни.

На выходе вместо целостного многообразия мы получаем размноженную однородность – самоподобное, бесконечно производящее самое себя общество, социальный фрактал. Так произошло с идеей демократии, превратившейся в едва ли не ключевую мифологему нашего времени и особенно западного сообщества: все многообразие демократических систем и принципов было сведено к либеральной представительной (парламентской) демократии англосаксонского типа, бесконечно производимой и внедряемой во всех уголках земного шара как идеальной *формы* («делового ко-

стюма цивилизации»), несмотря на явное несозвучие и даже противоречие конкретным обществам, их истории и культуре.

В отличие от традиционных мифов и идеологии, современные мифологемы несравнимы – ни по результативности, ни по охвату масс, ни по влиянию в сообществах, так как не имеют прямого отношения к исторической реальности. При этом мифологемы сами способны серьезно повлиять на социальную действительность – методом деконструкции. Если традиционные мифы позитивны в плане консолидации эмоционального настроения общества, если идеологии позитивны в плане консолидации социального сознания, рационального настроения общества, то мифологемы разрушительны: в эмоциональном плане в мифологемах культивируются самые опасные асоциальные, агрессивные и регрессивные психические состояния; в рациональном плане – пропагандируются бездоказательные, даже абсурдные, явно не свидетельствующие ни об интеллекте, ни об образованности заявления (получившие в сегодняшней российской блогосфере определение «псакизм» по имени пресс-секретаря госдепартамента США Дж. Псаки, «прославившейся» подобными высказываниями).

Мифологемы подобны вирусам; комфортная для них среда – социально нестабильное, охваченное различными социальными «болезнями» (коррупция, безработица, социальная апатия и депрессия) общество с ослабленным иммунитетом. Поэтому главная задача мифологем – не консолидация, а дестабилизация обществ. Только общества с сильным иммунитетом в виде устойчивых традиционных мифов или сложившихся идеологий могут противостоять мифологемам. Мифологемы не воюют с реальностью – они ее просто игнорируют, создавая взамен собственную виртуальную реальность; мифологемы не воюют между собой – как параллельные миры, как вирусы, поражающие различные органы одного социального организма, они вполне способны уживаться друг с другом, даже не перекрещиваясь в социальной действительности. Главная опасность для мифологем – это сплывающие общество устойчивые метанарративы, в качестве которых выступают традиционные (культурно-исторические) мифы и массовые (религиозные, социально-политические) идеологии.

Мифологемы как фактор информационной войны

Таким образом, сегодняшняя третья мировая (информационная) война идет между мифологемами и переформатированными ими обществами, с одной стороны, и между все еще (хотя бы частично) тяготеющими к допостмодерновым формам мировоззрения культурами и народами – с другой. Так, одно из ключевых противостояний сегодняшнего мира – между зараженным мифологемами Западом и идеологизированными Китаем (социально-политическая идеология), Арабским миром (религиозная идеология). Информационное противостояние между Россией и Западом имеет несколько иной ракурс: вследствие утратившей актуальность в 90-е гг. прошлого столетия некогда действенной социально-политической советской идеологии сегодняшняя Россия уже не может (или пока не может) использовать эффективный идеологический инструментарий в борьбе с вирусом мифологем. В то же время в истории России было достаточно травматических событий, имевших конечный положительный в культурно-историческом плане эффект: победы в Отечественных войнах, преодоление экономических трудностей в годы индустриализации и постперестроечное время и т. д. А именно такого рода события производят важные мифы как культурно-исторические аттракторы общества, структурные элементы единой ментальной системы. Осознавая (или, может быть, интуитивно чувствуя) это, сегодняшняя российская политическая элита в противостоянии с мифологемным Западом (и прежде всего с США, которые Ж. Бодрийяр окрестил «быстрозамороженной» версией, «дайджестом» западной цивилизации [Бодрийяр: 7]) акцентирует и поддерживает значимые мифы, связанные с ключевыми событиями российской истории (например, победа в Великой Отечественной войне), а также реанимирует «забытые» – или даже некогда исключенные из ареала мейнстримовских – мифы (к таковым можно, на мой взгляд, отнести миф о «сильной личности» правителя в российской истории и в том числе связанную с ним происходящую сегодня реанимацию политической фигуры И. В. Сталина).

В первом случае война идеологий и мифологем выглядит в культурном плане как противостояние рационального и псевдорационального (сциентистского) взглядов на мир, идей, связанных с реальностью, и идей-симулякров; а в социальном плане – как

противостояние реальной экономики с акцентом на производство и виртуальной симулятивной финансовой экономики. Во втором случае война традиционных мифов и современных мифологем выглядит в культурном плане как противостояние образов реальности (связанных с историей генетически или суррогатно), сильных естественных эмоций и их искусственных заменителей; а в социальном плане – как противостояние политики, опирающейся на реальную поддержку населения, и политики, создающей иллюзию поддержки населения с помощью медиасредств (например, рейтинговых агентств).

Конечно, произвести четкую демаркацию между ориентированными на мифологемы, на идеологию или традиционные мифы обществами сегодня едва ли возможно, так как глобализация обеспечивает непрерывную конвергенцию социальных и культурных явлений. Можно лишь обозначить ментальное *тяготение* разных сообществ к различному восприятию реальности. Когда боевики ИГИЛ² на публику символически казнят назначенных врагами, создавая красочную видекартинку и стимулируя определенные ответные переживания, когда японские СМИ вспоминают о трагедии Хиросимы, всячески обходя один фрагмент – факт непосредственной вины нынешних американских «союзников», когда массмедиа всех заинтересованных в текущей информационной войне государств освещают происходящие события, – во всех этих случаях рассказываются *истории*, имеющие отношение во многом не к тому, что было «на самом деле», а к «рассказчикам» и их реципиентам. Также мифы, мифологемы и идеологии могут выглядеть как разные грани или даже слои одной социальной реальности – общества постмодерна. Об этом говорит, например, ситуация в сегодняшней Западной Европе с ее значимыми культурными принципами (паттернами), связанными с устойчивыми историческими мифами как аттракторами западноевропейской традиции, и влиянием мифологем, созданных на базе фрагментированного мировосприятия самой Западной Европы: реальная история здесь вступает в противоречие с популярными ремейками и ремиксами истории. В социально-политическом плане это выливается в сегодняшний

² Деятельность данной организации запрещена на территории РФ. – Прим. ред.

кризис Европейского союза, в противостояние глобалистов и антиглобалистов, сторонников реализации «национальных государственных интересов» и проводников объединенной политики Брюсселя и т. д. (Заметим, что особенно острым это противостояние стало во влиятельных культурных центрах европейской цивилизации: Франции, Италии, Германии, Греции, Венгрии, Чехии.) Причем чем дальше и масштабнее будут разворачиваться текущий мировой экономико-политический и цивилизационный кризисы, чем серьезнее будет проявляться кризис самой Европы, тем выигрышнее окажутся позиции традиционных европейских мифов, опирающихся на реальную историю: в острой фазе столкновения с реальностью мифологема обречена проиграть. Внедрение мифологем эффективно в условиях относительной социальной стабильности – с целью консервации ментальной сингулярности, отличающей постмодерн; или в *уже* социально больном обществе – с целью дальнейшей дестабилизации. Ведь на саму мифологию опереться нельзя – как можно опереться на симулякр реальности? Впрочем, мифологема служит не для этого, ее главная задача – воспроизводство сингулярности в сингулярном пространстве, так как ментально нестабильные социальные субъекты проще и эффективнее контролировать (манипулировать ими) через создание нестабильных для них жизненных ситуаций.

Имеющее место сегодня противостояние напоминает ситуацию кризиса Античности, когда под ударами «варваров»-германцев рушилась Римская империя, а на ее обломках возникали, как грибы, средневековые государства. Удержалась от хаоса тогда восточная часть Римской империи – Византия, имея достаточный запас социальной прочности *за счет включения и ассимиляции незападных элементов*. Вне территории хаоса оказался и быстро набравший тогда силу Арабский мир, древние цивилизации Индии и Китая. Конечно, история никогда не повторяется буквально, хотя бы потому, что сегодняшнее противостояние происходит в условиях экономической и, что особенно важно, информационной глобализации; поэтому оно имеет не столько социально-политический характер, сколько ментальный. Это не конфликт государств или этносов, даже не столько конфликт цивилизаций как определенных типов общества (условно «западного» и условно «восточного»).

Это цивилизационный конфликт в плане противостояния различных матриц восприятия реальности, прежде всего – социальной реальности. Поэтому точки сингулярности в текущей информационной войне и всем постмодерновом социальном пространстве – там, где сталкиваются не различные общества, не Запад, Восток и Россия как культурно-исторические образования, а там, где соприкасаются разные духовные ситуации: преимущественно мифологемно ориентированные, мифологически или идеологически.

Литература

- Барт Р. Мифологии / Р. Барт // Семиотика. Поэтика. М., 2000.
- Батай Ж. Внутренний опыт. СПб.: Аксиома, 1997.
- Бодрийяр Ж. Войны в Заливе не было // Художественный журнал. 1994. № 3. С. 33–36.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [Электронный ресурс]. URL: <http://existencia.livejournal.com> (дата обращения 18.03.2015).
- Гиренок Ф. И. Клиповое сознание [Электронный ресурс]. URL: <http://zavtra.ru/content/view/klipovoe-soznanie> // Завтра. Вып. № 51. Форум.
- Делёз Ж. Что такое философия? / Всемирная философия. XX век. Минск: Харвест, 2004.
- Делёз Ж. Логика смысла. Фуко М. Д 29 *Theatrum philosophicum*. М.: Раритет, 1998.
- Казин А. Грядет ли новое средневековье? // Санкт-Петербургские ведомости. 2013. № 3. [Электронный ресурс]. URL: http://old.spbvedomosti.ru/article.htm?id=10295320@SV_Articles (дата обращения 03.05.2015).
- Нанси Ж.-Л. Прерванный миф / Ж.-Л. Нанси // Непроизводимое общество. М.: Водолей, 2009.